

Бумажные тигры с ядерным оружием

Новая военная доктрина России проходит согласования в Совбезе

По Конституции нам положено иметь Военную доктрину. Как это положение в 1993-м в нее попало, сегодня понять трудно, но делать нечего — Конституцию надо выполнять. Нынешняя доктрина была утверждена Владимиром Путиным весной 2000-го, но написана при Борисе Ельцине. Потом несколько раз пытались составить новую редакцию, но ни разу не удалось все до конца согласовать в бюрократическом госаппарате.

Тем временем при министре Сергее Иванове (ныне вице-премьер) была проведена и, по официальным источникам, успешно закончена военная реформа. В результате, по мнению нынешнего начальника Генштаба генерала Николая Макарова, «на сегодняшний день мы имеем армию бумажных тигров», при «прямой деградации офицерского состава» и массово неисправной технике.

Новый министр обороны Анатолий Сердюков в прошлом году начал радикальную реформу, чтобы, по словам Макарова, изменить структуру, «которая принципиально не менялась около 200 лет». Новой военной доктрины при этом не было, но теперь секретарь Совбеза Николай Патрушев уверяет, что она почти готова и проходит последние согласования в Совбезе.

Если этот текст президент Медведев утвердит указом, как обещают, до Нового года, то это вряд ли само по себе станет определять ход радикальных преобразований, начавшихся задолго до того. В России невнятные ширококонтурные документы вроде Военной доктрины, написанные одновременно разными людьми, но сумевшие выжить по ходу длительного межведомственного согласования, обычно значат немного. В Минобороны и в Генштабе есть свои конкретные документы особой важности, которые реально определяют порядок применения Вооруженных сил. Но согласованный текст Военной доктрины, конечно же, важен, поскольку невольно отражает общее направление начальственных военно-стратегических мыслей.

Патрушев в публичных высказываниях о новой доктрине говорит, что в ней «предусматривается возможность применения ядерного оружия в зависимости от условий обстановки и намерений вероятного противника», в том числе и «упреждающий» удар. Поскольку потенциальная ядерная война, что с НАТО на Западе, что с Китаем на Востоке, может закончиться гарантированной гибелью самой России, идея «упреждающего ядерного удара» приводит неподготовленную публику в оторопь. При этом, по Патрушеву, новая доктрина утверждает «смещение акцентов от крупномасштабных военных конфликтов к локальным войнам и вооруженным конфликтам». В списке потенциальных угроз, кроме традиционного расширения НАТО, всякие возможные неприятности на Кавказе, чьи-то потенциальные претензии на неразведанные пока «топливно-энергетические и другие сырьевые ресурсы» в Арктике, японские претензии на Южные Курилы и т.д. Выходит, что из-за споров о льдах, скалах или Южной Осетии наши начальники готовы всех нас при случае поджарить в ядерном огне.

Россия унаследовала от СССР стратегический ядерный потенциал, созданный в ходе глобальной гонимой войны.

Но нынешняя РФ уже всего лишь крупная региональная держава, у которой реальная сфера влияния и интересов не выходит далеко за рамки СНГ, и даже в этой зоне не очень удается доминировать. В ходе нынешней радикальной военной реформы окончательно ликвидируется массовая советская многомиллионная мобилизационная армия резервистов и создаются бригады, развернутые в мирное время по штатам военного. Эти Вооруженные силы, несомненно, предназначены для разрешения локальных конфликтов из-за трубопроводов, «топливно-энергетических и других сырьевых ресурсов», за счет которых существует наш правящий класс. Но пока реформированные Вооруженные силы не созданы, остается полагаться на ядерное оружие.

По словам Макарова, ядерные силы практически не будут менять, пока продолжается военная реформа. О том же, о так называемом ядерном зонтике, говорит Патрушев: «Государство — потенциальный противник должно осознавать бесперспективность развязывания агрессии с применением не только ядерных, но и обычных средств поражения». Понятно, речь о ядерном сдерживании, об угрозе, по словам Патрушева, «нанести неприемлемый ущерб», а не о реальных ударах. Логично: чем слабее Россия, чем более ее Вооруженные силы технологически, организационно и по подготовке отстают от соседей на Западе, Востоке и Юге, тем важнее крайний ядерный аргумент. Так в 50-е, 60-е и 70-е НАТО, многократно уступая СССР на суше в Европе, полагалось на ядерное сдерживание и первый удар, а Москва выдвигала лозунг всеобщего ядерного разоружения. Теперь о безъядерном мире говорит Барак Обама.

Сегодня не только США или Китай, но и Турция в регионе Закавказья и акватории Черного моря потенциально превосходит РФ в обычных силах на суше, в воздухе и на море. По ходу масштабных учений и в тексте Военной доктрины Москва посылает за границу сигнал, что в случае локальной войны, как с Грузией в 2008-м, не важно — опять в Закавказье, в Средней Азии, в Крыму, в Одессе—Приднестровье или еще где, — чтобы никто не лез и не мешал, а то вмажем.

Ядерное сдерживание отлично сработало в Европе во время холодной войны, но в других случаях положительный эффект неочевиден. Угрожать легко, а реально начать самоубийственную ядерную войну непросто. В августе 2008-го, когда в Черное море вошли военные корабли НАТО, среди нашего начальства были заметны признаки паники, и в результате Михаил Саакашвили усидел-таки в Тбилиси. Ядерным сдерживанием невозможно справиться с ограничениями на импорт чувствительных технологий, оно не спасло, а погубило СССР, поскольку стоит очень дорого, а использовать ядерное оружие нельзя никогда.

Сегодня на развитие и поддержание сил ядерного сдерживания уходит большая часть нашего военного бюджета. На перевооружение сил общего назначения не хватает, и они слабеют. Выход из этого тупика пока не просматривается. Новую Военную доктрину следовало назвать «Чем дальше — тем хуже».